

УДК 316.77
JEL Z19

Н. С. Первушин, И. А. Чудова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

nickd17@yandex.ru; dauza@mail.ru

ИНТЕРНЕТ-АДДИКТИВНОСТЬ КАК СПЕЦИФИКА КАРТИНЫ МИРА

Представлено феноменологическое исследование интернет-аддиктивности с акцентом на теоретической концепции исследования. Предлагается феноменологическая альтернатива медицинскому дискурсу в отношении аддиктивности. Интернет-аддиктивность понимается как свойство человека в современном мире воспринимать мир Интернета как область конечных значений, не менее значимую, чем повседневность. Представлены некоторые результаты эмпирического исследования, позволившего создать две полярные идеально-типические конструкции – интернет-аддиктивность и неаддиктивность.

При интернет-аддиктивности пользование Интернетом имеет, скорее, ценностно-рациональный характер. Интернет способствует созданию группы «своих», дефицит которой возможен в повседневности. При этом в планах на будущее отсутствует семья; особую ценность имеет свобода. Для интернет-аддиктивности свойственно наличие переживаний и эмоций по поводу Интернета, не менее сильных, чем в повседневности. Для неаддиктивности характерно понимание Интернета как вторичной реальности либо, в предельном случае, как средства, инструмента, а не отдельного мира.

Ключевые слова: Интернет, повседневность, интернет-аддикция, интернет-аддиктивность, неаддиктивность, картина мира, область конечных значений, медицинский дискурс.

В современном постиндустриальном обществе основным ресурсом становится информация, а Интернет – ее главный источник и инструмент хранения, производства, распространения [1]. Использование информационных технологий приводит к рождению нового свойства социальной жизни – интернет-аддиктивности, которое представляет интерес для социологов, отличается новизной и динамичностью. Исследователи отмечают негативное воздействие Интернета; формируется представление об интернет-аддикции. Чрезмерное неконтролируемое использование Интернета может привести к стрессам, потерям денежных средств, физическому истощению, конфликтам с окружающими и т. д. Аддикты хуже справляются с повседневными обязанностями, имеют проблемы в реальных коммуникациях, в семье, на работе, в сексуальной жизни; известны случаи, когда длительное отсутствие доступа к Сети приводило не только в состояние отчаяния и напряжения, но и к самоубийствам [2–4].

С учетом разных критериев определения аддикции количество интернет-аддиктов в разных странах составляет от 2 до 30 % всех пользователей Интернета [5]. Стремительная интернетизация сопровождается ростом количества аддиктов. Эта проблема по своей остроте и значимости становится в один ряд с алкоголизмом, наркоманией, игроманией и т. п.

В проведенном исследовании мы вышли за границы медицинского дискурса. Эта позиция схожа с идеей К. Суррат, которая рассматривает интернет-сообщества с позиций символического интеракционизма: «Утверждение, будто люди проявляют “зависимость” от Интернета, равноценно утверждению, что они проявляют “зависимость” от взаимодействий между

Первушин Н. С., Чудова И. А. Интернет-аддиктивность как специфика картины мира // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 202–213.

людьми» [6]. Еще У. Джемс считал, что «существует множество миров опыта, единственным критерием реальности которых служит психологическая убежденность, вера в их реальное существование», поэтому «нерелятивно» говорить о том, что мир повседневности – это норма, а мир виртуальный – девиация [7].

Рассмотрим два понятия, которые целесообразно различать: «аддикция» (синоним – «зависимость») и «аддиктивность». Термин «аддикция», скорее, психологический и обозначает состояние человека, которое характеризуется «потребностью проводить в Сети все больше времени, повторными попытками уменьшить использование Интернета, возникновением симптомов отмены, причиняющих беспокойство при прекращении пользования Интернетом, проблемами контролирования времени; проблемами с окружением, ложью по поводу времени, проведенного в Сети, изменением настроения посредством использования Интернета» [1]. Интернет-аддиктивность – это новый термин, за которым стоит реальность, требующая феноменологического описания. Он может быть использован в рамках социологии для рассмотрения нового явления в жизни общества, избегая однозначных категоризаций «аддикт / неаддикт».

Итак, мы полагаем, что интернет-аддиктивность – это свойство воспринимать мир Интернета как реальность (конечную область значений), не менее значимую, чем повседневность.

Идеи феноменолога Альфреда Шюца, положенные в основу исследования, во многом соответствуют современному дискурсу о зависимости, подразумевающему приоритет повседневности над «множеством миров опыта» [8]. Рассуждая о множественности реальностей, Шюц пишет: «Миры опыта – конечные области значений – совокупности данных нашего опыта, если все они демонстрируют определенный когнитивный стиль и являются по отношению к этому стилю непротиворечивыми и совместимыми друг с другом» [7]. Эти идеи перекликаются с высказыванием Бергера и Лукмана: «Я осознаю мир состоящим из множества реальностей: при переходе от одной реальности к другой человек испытывает шок, связанный с переключением внимания (например, когда просыпается), при этом наиболее напряженное состояние сознания наблюдается именно в повседневности» [9].

Повседневность у Шюца выступает в качестве верховной и непроблематичной реальности, все остальные миры – подчиненные и лишь квазиреальности [7]. П. Бергер и Т. Лукман разделяют эту точку зрения: «Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии» [9].

Эдмунд Гуссерль, основоположник феноменологического направления в философии, утверждает, что «жизненный мир – пространственно-временной мир вещей, каким мы его воспринимаем до и вне всякой науки»; мы обладаем естественной установкой по отношению к жизненному миру; мы считаем повседневность как нечто само собой разумеющееся для взрослого человека в состоянии бодрствования и со «здравым рассудком» [10]. При этом «жизненный мир – не просто мой личный мир, а intersubjectивный жизненный мир, структура которого является для меня общей с другими людьми» [10]. Только в нем можно достичь полноценного взаимопонимания с другими людьми (сон, к примеру, не является intersubjectивным). Бергер и Лукман развивают эту идею: «Знаю, что моя естественная установка по отношению к этому миру соответствует естественной установке других людей, что они тоже понимают объективации, с помощью которых этот мир упорядочен, и в свою очередь также организует этот мир вокруг “здесь-и-сейчас” их бытия, и имеют свои проекты действий в нем»; существует общее понимание этой реальности (естественная установка) [9]. Они рассматривают повседневность как нечто структурированное (под «социальной структурой» понимаем «сумму типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия») и систематизированное, существующее и имеющее объективный статус независимо от человека, что выражается в языке, в котором объективируется опыт общества [9]. Особую роль феноменологии отводят языку, называя его «главной формой отложения типичных схем опыта, релевантных для данного общества» (отсюда важность обращения к языковым картинам мира) [9].

Феноменологи отмечают, что в современном им обществе следует быть более релятивными, рассматривая все миры, включая повседневность, как один из миров, а не как единственный [7; 9; 11]. Несмотря на квазиреальность всех миров, кроме повседневности, Шюц отмечает их важное значение, утверждая, что они «являются реальностью и влияют на мышление

и действие человека в мире других людей» [8]. В таком случае Интернет может рассматриваться как возможность конструирования нового мира, а интернет-аддиктивность – как выражение причастности к этому новому миру.

Выделяя существование «мы-группы» и «они-группы», Шюц полагает, что представления «мы-группы» и ее оценка других носит этноцентричный характер, т. е. оценка исходит из собственных норм и представлений [11]. Так, «нормальные» считают аддиктивных ненормальными или даже больными людьми (происходит медиализация феномена и интерпретация другого мира как вторичного). «Нормальные» опасаются распространения девиантного миропонимания, способного изменить устоявшуюся структуру [9]. Вот как Бергер и Лукман описывают отношение «официальной» позиции к девиантам: «Девиант предстает и как живое оскорбление богов... Такое радикальное отклонение требует терапевтической практики, имеющей здравое обоснование в терапевтической теории. Должна иметься теория отклоняющегося поведения (то есть “патологии”), которая объясняла бы такое шокирующее состояние. Необходима и система диагностических понятий (некая симптоматология с соответствующими навыками ее применения при разбирательстве). Девиантным концепциям тут не просто приписывается негативный статус, с ними ведется детальная теоретическая борьба» [9]. Авторы утверждают, что правильнее говорить не о том, ориентируется ли человек на реальность, но на какую именно реальность он ориентируется в своем поведении [9].

В нашем исследовании пользователи с интернет-аддиктивностью рассматривались как лица, имеющие определенные особенности в своем взаимодействии с миром и его восприятии, а не как лица с отклоняющимся поведением. Отсюда вытекает и важность исследования картин мира пользователей с интернет-аддиктивностью, тем более что в изученной литературе данные такого рода отсутствуют.

Определение мира Интернета сталкивается с трудностями. Необходимо различать использование Интернета как инструмента повседневности, как продолжения повседневности и как способа конструирования новой реальности. Таким образом, восприятие Интернета не является унифицированным в сознании пользователей; впрочем, нельзя сказать, что социальная реальность представляет нечто единое, скорее, следует говорить о совокупности социальных реальностей. Интернет может быть частью или продолжением повседневности, а может быть и другим миром (или, вероятно, мирами). При этом феноменология акцентирует внимание на том, как реальность переживается и воспринимается [11]. Отметим также, что феноменология послужила теоретической почвой для развития качественных методов в социологии; феноменологи обрушились с критикой по отношению к количественным методам, которые, на их взгляд, игнорируют сферу смыслов [12]. Данное исследование использует феноменологическую концепцию в качестве базовой и реализует качественную стратегию.

Понятие картины мира. Различные науки (психология, социология, а также физика) оперируют понятием «картина мира», автором которого является Людвиг Витгенштейн. Он пишет: «Действительность, взятая в ее совокупности, есть мир. Мы создаем для себя образы фактов. Образ изображает факты в логическом пространстве, т. е. в пространстве существования или несуществования атомарных фактов. Образ есть модель действительности». И далее: «Границы моего языка означают границы моего мира» [13]. В какой степени человек владеет языком, в такой степени он отображает окружающий его мир. Этот тезис указывает на то, что у разных людей разные представления о мире (разные картины мира), обусловленные разным словарным запасом, разным уровнем владения языком и т. п. В связи с этим уместно говорить о том, что схожие социальные условия влияют на сходство языка людей, и, следовательно, сходство их образов окружающей действительности (например, схожие профессиональные, этнические, возрастные группы по такой логике должны иметь схожие картины мира). Итак, по Витгенштейну, язык отдельно взятого человека тождественен картине мира этого человека, т. е. отображению действительности [13].

У Э. Гуссерля «картина мира – это рефлексия, направленная на жизненный мир», т. е. на мир повседневности, при этом восприятие мира детерминируется культурными особенностями этноса [10]. Кроме того, философ подчеркивает, что картина мира – это не отражение, но некоторое творческое преломление («...картина становится картиной... благодаря способности представления... которое не просто механически отражает мир, но творит его в процессе смыслообразования и семиозиса») [10].

В данном исследовании под картиной мира подразумевается действительность, отображенная в сознании индивида (Витгенштейн); рефлексия, направленная на жизненный мир (Гуссерль); содержание сознания, воспринимаемый и переживаемый жизненный мир, систематизированный в форме системы релевантностей (Шюц, Бергер и Лукман) [9–11; 13]. Система релевантностей – структурированные актуальные представления в сознании человека; общий принцип построения картины мира [11]. Эти системы релевантностей реализуются в схемах типизаций, которые направляют понимание, истолкование ситуации, мира [9; 11]. С их помощью посредством сознания и практик конструируются институциональные рамки повседневности (для воссоздания института требуется взаимность типизаций нескольких Я). Важно заметить, что тот или иной мир объективируется в сознании людей в языке: для повседневности – это собственно язык, а для Интернета – это сленг [9].

Методология исследования. В проведенном исследовании мы концентрировались вокруг картин мира интернет-пользователей. Нас интересовали такие их компоненты, как ценности, мотивы использования Сети, представления о «мы-группе» и «они-группе» (или «своих» и «чужих») и пространственно-временной структуре. Кроме того, важно было обратиться к переживаниям людей по поводу Интернета, ведь ядром картины мира является «Я переживающее» [11]. Наконец, особая роль в исследовании отводится социальному опыту, который включает в себя субъективно важные детали биографии, а также переживаемые текущие социальные обстоятельства. Социальный опыт, будучи переживаемым, содержится в картине мира человека.

Нашим исследовательским намерением было выявить специфику картин мира интернет-пользователей с интернет-аддиктивностью. Уточним, что в данном случае интернет-пользователи – понятие собирательное, относится к группе в целом, а не к отдельным людям. Предполагалось, что существуют отличия в картинах мира у интернет-пользователей с аддиктивностью и без нее в таких аспектах, как мотивы использования Интернета, представления о пространственно-временной структуре, релевантные ценности, представления о «мы-группе» и «они-группе», переживания и проч. Предполагалось также, что есть отличия и в субъективном переживаемом социальном опыте (это может касаться фактов биографии или текущих жизненных обстоятельств и переживаний по их поводу).

Так как ракурс исследования подразумевает акцентировку на субъективных смыслах человека, на том, как он воспринимает социальный мир, выбрана качественная *стратегия исследования*, ориентированная на понимание субъективных смыслов и их интерпретацию [12; 14; 15]. Было проведено 29 слабоструктурированных интервью. При этом параллельно беседе была возможность наблюдать за респондентом и его реакциями; отдельно рефлексировался способ достижения договоренности с респондентами о проведении интервью, формат выбираемого ими общения. Использовалось два варианта интервью: непосредственное общение «лицом-к-лицу» и интернет-диалог, фактически два разных метода с применением идентичного инструментария. Интервью сочетают в себе черты нарративного (история жизни, история пользования Интернетом), лейтмотивного (одно и то же явление на разных этапах жизни – кружки, друзья, пользование Интернетом), фокусированного (вокруг Интернета) [12].

Эмпирический объект исследования – активные интернет-пользователи 17–23 лет. Под активностью имеем в виду интенсивное использование Интернета (более 6 часов в сутки). В ходе исследования основными критериями для формирования выборки явились предварительные тестовые вопросы, соответствующие теоретическому (феноменологическому) представлению об аддиктивности, – это вопросы о фактическом, нормальном и желательном времени, проводимом в Интернете. Например: *Сколько часов (примерно) пользуетесь Интернетом в день? Сколько времени считаете нормальным проводить в Интернете? Сколько времени Вы хотели бы проводить, если бы никаких ограничений и других дел (вне Интернета) не было?* У пользователей без тенденции к интернет-аддиктивности имеется четкое представление о нормальном и желаемом времени нахождения в Интернете, фактическое время пребывания в Интернете больше нормального и желательного. При этом они готовы уменьшать время пребывания в Интернете, поскольку в большей степени ориентируются на пребывание в не виртуальной повседневности.

Для пользователей с тенденцией к интернет-аддиктивности норм либо нет, либо они не ниже, чем их время нахождения в Сети; желают они также проводить не меньше времени в Интернете.

Для группы «пограничных» есть определенная рассогласованность: например, они могут проводить 6 и более часов в сутки в Интернете, говорить, что норм нет, но сами бы хотели «сидеть» там часа три или меньше; предположительно в ситуации рассогласованности мир Интернета воспринимается как вторичный, подчиненный, но при этом на него уходит масса времени без каких-либо прагматических соображений (в отличие от пользователей без аддиктивности).

Оказалось, что нет эмпирически однозначной дихотомии – индивиды «с интернет-аддиктивностью» и «без интернет-аддиктивности», но есть континуум, на полюсах которого – идеально-типические конструкции, речь о которых дальше. Реальные случаи находятся между ними и зачастую содержат в себе различные элементы этих полюсов.

Изначально в исследовании предполагалось использовать только метод интервью лицом к лицу, но поиск информантов привел нас к необходимости интернет-бесед (общению по онлайн-переписке). Это позволило сделать дополнительные методические выводы о том, что интернет-беседа – это отдельный метод сбора информации, наиболее удобный для лиц с тенденцией к аддиктивности. Такие пользователи подчеркивали, что интернет-общение им комфортнее, а временные затраты не рассматриваются в качестве большого ущерба. В то же время некоторые пользователи без интернет-аддиктивности либо временно, либо окончательно прекращали беседу (дважды это случилось при просьбе рассказать о своей жизни); отвечали короткими фразами. Такой метод не является удобным для исследователя, но представляет безусловную методическую ценность. В случае невыраженной аддиктивности предпочтительнее оказался живой диалог. В интернет-беседе с такими респондентами их ответы были краткими и поверхностными, некоторые отказывались отвечать на вопросы о биографии, ценностях, мечтах (именно в Интернете), в то время как аддиктивность располагала к более подробному изложению, чем при живой беседе. Транскрипты интервью с пользователями, не обнаружившими тенденции к аддиктивности, информативнее, чем диалог с ними по Интернету (хотя бы по объему). Для пользователей, обнаруживших причастность к интернет-аддиктивности, транскрипты и диалоги «ВКонтакте» вполне сопоставимы, и с учетом удобства для информантов интернет-беседа может быть для них более предпочтительной.

Результаты эмпирического исследования интернет-аддиктивности посредством обращения к картинам мира. Итак, были выделены и описаны идеально-типические конструкции, представляющие полюса интернет-аддиктивности. Реальные интернет-пользователи являются в большей или меньшей степени носителями интернет-аддиктивности, располагаясь в континууме между этими полюсами. Подчеркнем, что выделены и будут описываться идеально-типические конструкции, а не характеристики интернет-пользователей.

Каковы же картины мира при неодинаковой степени выраженности интернет-аддиктивности?

1. Специфика восприятия пространства и времени. И при наличии, и при отсутствии интернет-аддиктивности в картинах мира существует представление, что пространство сжимается в одну точку, из которой доступны все и всё при наличии Интернета. Выявлены отличия в восприятии времени в картинах мира: в отсутствие интернет-аддиктивности отмечается зависимость времени в Интернете от повседневности: *«Вечером все сидят в Интернете ради развлечения, а утром – по работе. Утром город работает, идет рабочий день, а вечером – открываются пивные, театры, и проч.»*¹

При наличии интернет-аддиктивности важна независимость интернет-времени от социального – это большое преимущество Интернета: *«В Интернете нет четкого времени. Что угодно можно делать когда угодно».*

2. Специфика характеристик «мы-группы» и «они-группы». Свои и чужие («мы-группа» и «они-группа») в повседневном мире являются относительно определенными в отсутствие интернет-аддиктивности; при этом наблюдается недифференцированность данных групп в Интернете или их совпадение с группами из повседневности.

¹ Здесь и далее курсивом приведены высказывания из интервью.

В отсутствие интернет-аддиктивности в группу «своих», как правило, входят друзья, существующие в мире повседневности; они же являются «своими» в Интернете. Восприятие «чужих» в мире повседневности связывается с какими-либо дискредитирующими действиями; в Интернете «чужие» ассоциируются с неприятием каких-либо проявлений, аналогичных таковым в повседневности. Часто «чужие» не называются: *«Свои – мои друзья в Интернете. Все люди, с которыми не знакома, – чужие... Свои – личное знакомство. В жизни видишь кого-то, и он кажется своим; в Интернете – не могу, не зная человека, назвать его своим».*

При наличии интернет-аддиктивности также достаточно конкретно описываются круги «своих» и «чужих» в повседневности, но «своих» отмечается очень мало, особенно в сравнении с миром Интернета, где количество «своих» значительно больше и их границы и признаки четко очерчены. Интернет воспринимается в качестве машины по «производству своих», в отсутствие личных контактов и знакомства с ними в повседневном мире. Кроме того, зачастую эти «свои» и «чужие» дифференцируются посредством типизаций интернет-сленга: *«Свои – единомышленники, те, кому нравятся вожди вроде Сталина, личности вроде Лимонова, Тесака и проч. <...> Чужие – нашисты всякие, сетевые хомячки, тупые п*зды, индикиды».*

При ответах на вопрос о том, как можно подразделить, классифицировать пользователей Интернета на группы, было выявлено следующее: в отсутствие и слабой выраженности интернет-аддиктивности группы выделяются на основе социально-демографических характеристик пользователей или же на основе их активности (при этом часто присутствовало соответствие между социально-демографическими характеристиками и характеристиками активности): *«Молодые и взрослые. Те, кто использует для развлечения и для работы, в основном, для учебы и для развлечений, не связанных с учебой (музыка, фильмы)».*

При наличии интернет-аддиктивности важным оказывается уровень владения Интернетом («свои» часто те, кто хорошо ориентируется в Интернете), а также тип пользования, сформулированный на языке интернет-сленга (типизация на языке мира Интернет): *«В общем: быдло и интеллигенты. Есть другие всякие типажи: тролли. Хомячки, нубы, лурко*бы всякие... Я – политота. Немножко геймер. И тролль».*

3. Специфика переживаний по отношению к Интернету. Переживания, связанные с Интернетом, в отсутствие интернет-аддиктивности либо не отмечаются, либо связаны с повседневностью: ожидание писем, которые влияют на ход повседневной жизни, негативные переживания вследствие слишком больших трат времени на Интернет, так как можно было провести его полезнее, ценнее или правильнее в обычной жизни: *«Не могу сказать, что у меня есть какие-то чувства, связанные с Интернетом».*

При выраженности интернет-аддиктивности – ожидание сообщений, не связанных с делами в повседневном мире, расстройство из-за их отсутствия. Неформальное общение в Интернете оказывается не менее значимым, чем повседневное, поэтому радости и обиды не менее сильные. Отсутствие Интернета вызывает тревогу, наблюдаются активные попытки вхождения в этот мир, болезненные переживания из-за невозможности быть в Интернете, поскольку альтернативной интересной деятельности в повседневности не находится: *«Избегаю катастроф в истории страны и получаю массу удовольствия... И мне приятно. И я счастлив».*

4. Социальное и эмоциональное одиночество. При интернет-аддиктивности обнаруживается слабая включенность в различные социальные круги, отсутствие тесных эмоциональных связей в повседневности. Здесь мы видим отличие от выводов Н. Цой [5], поскольку пользователи с тенденцией к интернет-аддиктивности могут испытывать не только социальное, но и эмоциональное одиночество: *«Меняла 8 разных школ, но нигде не приживалась. У меня много приятелей, но нет тех, кого бы могла назвать полноценными друзьями. Ищу их в Интернете».*

5. Цели, реализуемые с помощью Интернета. Отсутствие интернет-аддиктивности связано с использованием Интернета как средства, инструмента для того, чтобы рационально и максимально эффективно достичь определенных целей, за которыми стоит признание ценностей информации и комфорта (поиск информации, скачивание книг, электронные платежи): *«Книжки скачивать; хранилище информации, из которой я вытягиваю самое нужное. Ис-*

пользую в основном по учебе, для организации встреч, с друзьями и родственниками особо не общаюсь там».

При наличии интернет-аддиктивности цели и ценности являются скорее не внешними по отношению к Интернету, а находятся внутри него самого: *«В Интернете гораздо больше интересных вещей можно найти, чем в реальном мире. Здесь все проще. Каждый день можешь оказаться в каком-то другом мире... вообще полноценнее жизнь становится. Чего-то, что в жизни нет, легко можно найти в Интернете. Эмоции, ответы на некоторые вопросы, впечатления».*

При пограничном состоянии интернет-аддиктивности особенно распространена потребность в информации, получаемой через Интернет. Использующие Интернет в производственных или учебных целях считают его инструментом для наиболее эффективного и очевидного способа связи, получения и обмена информацией и проч.

Требования информационного общества способствуют воспитанию людей с очень развитой потребностью в информации, иногда в гипертрофированных вариантах – постепенно они начинают использовать Интернет и не только в чисто прагматических интересах, а также для удовлетворения потребности в различной информации (в том числе развлекательной), поэтому скачивание контента, чтение новостей и проч. все более популярны: *«Мог бы спокойно обойтись, но там есть видео, музыка. Много удовольствий, которые трудно найти или дорого стоят... Там больше информации... Очень удобная эксплуатация».*

6. Возможности Интернета в картинах мира. При интернет-аддиктивности использование Интернета связывается с его релевантными возможностями относительно мира повседневности (важно именно субъективное восприятие их как актуальных, поскольку эти «возможности» не являются какими-то объективными свойствами Интернета): *«Сам строю свой идеальный мир. Мне не нравится наш мир, а там я могу избежать ошибок, тех ужасных явлений, которые произошли в реальной истории. Хочу изменить ход истории... В обычной жизни я бы хотел изменить мир, но у меня нет таких возможностей, а в Интернете и играх – запросто».*

Представления о возможностях Интернета при интернет-аддиктивности можно классифицировать следующим образом:

1) возможность наилучшего выражения мыслей (что-то вроде приближения к дискурсу в интерпретации Ю. Хабермаса [16]): *«Можно лучше выразить мысль, не повторяться. Можно прекратить общение в любой момент. Оно более умное. В жизни не услышишь таких интересных диалогов, как некоторые обсуждения у меня в комментариях Вконтакте»;*

2) возможность скрывать себя под маской, скрывать стигму (в интерпретации И. Гофмана [17], нечто, дискредитирующее человека с точки зрения представления себя другим): *«Это образ, который я конструирую. Это идеальный я. Хочу, чтобы были видны мои положительные стороны. Скрыть внешность можно, манеру говорить и проч. В Интернете внешность слабо учитывается. Аватарка – это не я, а образ. Я могу скрыть все то, что не нравится в себе»;*

3) возможность выбора любой темы и точки зрения – возможность приближения к идеальной коммуникативной ситуации (в понимании Ю. Хабермаса [16]): *«В Интернете обсуждают не местечковые проблемы, а нечто глобальное. В реальной жизни бытовые дела в основном обсуждают... О политике могу говорить. Обычно это сильно контролируется, а в Интернете есть свобода, и невозможно контролировать людей. Больше нигде нет такой свободы. Здесь можно обсуждать абсолютно все. Здесь есть чувство вседозволенности»;*

4) отсутствие санкций общества за «неправильное высказывание и поведение»: *«Отсутствие ограничений, легкость, возможность душевности, возможность быть безнаказанным»;*

5) эскапизм – возможность построить идеальный мир и уйти в него – в игре или аниме: *«Окунуться в другой мир с головой, отвлечься от гнета окружающего мира, от неудач. Побить победителем и творцом. Решать что-то самому. Он дает шанс почувствовать себя живым человеком»;*

6) отсутствие привязки практик к месту и времени: *«Все может быть доступно и сразу при наличии Сети... Времени тоже нет. Меня раздражает, что на пары надо ходить ут-*

ром. Понимаю, что если не приду, то будет какой-то минус. Время подчиняет... А в Интернете все можно и всегда: хочешь – общайся, а хочешь – стреляй или голы забивай»;

7) возможность выразить свое отношение к различным сферам жизни, в том числе к общественно-политической ситуации: «Воры, коррупционеры, фальсификаторы, бюрократы, либерасты, фашисты и прочая гниль. Много об этом думаю и читаю, на форумах пишу и в обсуждениях ВКонтакте, но на митинги бы не пошел».

Перечисленные возможности в разных комбинациях присутствуют в картинах мира при выраженной интернет-аддиктивности. В отсутствие или малой выраженности интернет-аддиктивности эти возможности в картинах мира не признаются или не являются релевантными и вызывают критическое отношение: «У меня появилась масса знакомых, которые в социальном плане не могут реализоваться. Они сидят вон там. Бесполезно. Они вканывают туда все время. Их жизнь происходит там, а не здесь. И конечно же это обманчиво, грустно. Эти люди не живут полной жизнью. Можно жить полнее, продуктивнее, интереснее, веселее...».

7. Ценности и планы на будущее. При наличии интернет-аддиктивности в картинах мира присутствует ценность свободы. Многих не устраивает положение дел в стране, общественно-политическое устройство, некоторые правила жизни. Заметно, что при наличии интернет-аддиктивности отсутствуют планы, связанные с семьей. Эта тема отодвигается на периферию, она не привлекает интереса, семья не является приоритетом и ценностью: «Жить в достатке и не думать о деньгах. Планов заводить семью не имею. Чайлдфри... В детстве мысль о собственных детях приводила в ужас, но я думала, что женщины обязаны рожать. Выросла и поняла, что не обязаны. Насчет семьи – не верю, что меня способен кто-то полюбить. Нет такого человека... Возврат к математике и точным наукам – моя мечта. Не хочу работать по специальности».

В целом, независимо от выраженности интернет-аддиктивности в картинах мира не было выявлено четких, определенных планов в отношении будущего. При этом в отсутствие интернет-аддиктивности в формировании жизненной траектории участвуют близкие, конкретные люди и отмечается значимость отношений с ними, что не наблюдается при интернет-аддиктивности: «Это мои родные, близкие, любимый человек, мои убеждения, которым следую (не убей, не укради и проч.)... Многое зависит не только от меня, но и от близких мне людей. Нужно учитывать других, иначе это как-то эгоистично. Детей хочу, конечно. Хотела бы помочь родным и близким».

При интернет-аддиктивности будущее связывается с компьютерными технологиями: разработка игр, игры на фогех и рисование манги или даже как киберспорт, в том числе покер: «Глобальных планов нет каких-то. Хотел бы работать разработчиком компьютерных игр... Про семью не хочется думать. Гляжу на свою и не хочу ничего подобного в своей жизни».

В картинах мира при наличии интернет-аддиктивности значимой является ценность свободы; семья, дети либо отсутствуют, либо занимают второстепенное положение. Картины мира вне интернет-аддиктивности включают ценности семьи, близких отношений, особенно значимых для формирования жизненных траекторий.

8. Представления о рациональном. Отсутствие интернет-аддиктивности связано с прагматическим пониманием Интернета, где важны скорость, дешевизна, большая возможность выбора, большой комфорт (инструментальные мотивы, целерациональность действия). Значимыми оказались также некоторые фактические преимущества: удобство в использовании в официальных письмах, возможность общаться с множеством людей одновременно на разные темы и проч. Отсутствие интернет-аддиктивности оказалось также связанным с приоритетом живого, непосредственного общения, требующего личного контакта и не поддающегося экономическим интересам. Ориентация на интонацию, визуальный контакт, тактильные ощущения и т. д. сопровождается необходимостью личных коммуникаций в повседневности. В наших интервью выявилась связь между отсутствием интернет-аддиктивности и неготовностью обсуждать в Интернете свою жизнь, ценности, желания и проч. В то же время при личной встрече эти темы вполне могли стать предметом обсуждения: «Передо мной стоит выбор: распыляться между книжной учебой в библиотеке и книжной учебой в Интернете, конечно, к хорошему быстро привыкаешь и приятнее, сидя в хорошем кресле, где тепло,

в общежитии, кушая и слушая музыку параллельно, ведь в библиотеке ничего даже попить нельзя, не пожалеешь... Важна и экономия ресурсов. Денег, в первую очередь. Удобнее и деловая переписка».

При наличии интернет-аддиктивности оказывается удобнее обсуждать в Интернете политику, науку, общество, историю, кино, литературу и многое другое. При этом не признается необходимость личного общения; значимыми оказываются не интонация и визуальный контакт, а мысли, идеи, которые в Интернете, по-видимому, можно выразить намного четче, хотя бы потому, что есть время на обдумывание и обсуждение. Пользование Интернетом обусловлено не прагматизмом, а признанием ценности самого Интернета, его возможностей и форм общения (ценностно-рациональное действие): *«Если бы мы беседовали в реальности, ты бы вряд ли услышал более 30 % от того, что сейчас пишу»* или *«часто неделями не общаюсь с друзьями в повседневности, а предпочитаю переписываться ВКонтакте».*

9. Социальный опыт. Наличие интернет-аддиктивности сопровождается следующими характеристиками социального опыта:

- слабая интегрированность в различные секции / кружки / объединения;
- равнодушие и непонимание со стороны родственников вообще или в отношении конкретного вида активности;
- негативный прошлый опыт, например, неудачи в общении с противоположным полом или бюрократические проволочки;
- состояние развода родителей или же отсутствие родителей (или одного из них);
- отсутствие или малое число близких друзей (вплоть до того, что никогда не праздновал день рождения);
- слишком жесткий родительский контроль или контроль со стороны социальных институтов;
- негативное отношение к собственной внешности и манерам общения.

Данные условия оказались типичными и субъективно релевантными при наличии интернет-аддиктивности. Кроме того, выявились различия нарративов в аксиологическом аспекте: при интернет-аддиктивности наблюдается насыщенность критикой прошлого и настоящего, определенная разочарованность. В отсутствие интернет-аддиктивности жизненное повествование выглядит более оптимистичным (даже при наличии печальных или трагических событий).

Обобщая сказанное, сформулируем выводы в отношении особенностей картин мира при наличии интернет-аддиктивности и без нее.

Наше исходное теоретическое определение нашло эмпирические уточнения: в картинах мира при интернет-аддиктивности Интернет воспринимается как не менее значимая, чем повседневность, реальность, как мир больших возможностей, шанс попасть в мир, который не уступает повседневному. И порой этот мир более предпочтителен: *«Он просто лучше. Здесь можно что-то делать самому, а не то, что хотят от тебя другие, не спрашивая моего мнения»* или *«Огромная значимость. Без него было бы гораздо скучнее и грустнее. Вообще, альтернативы ему нет. Книжки, фильмы, спорт – все не то».*

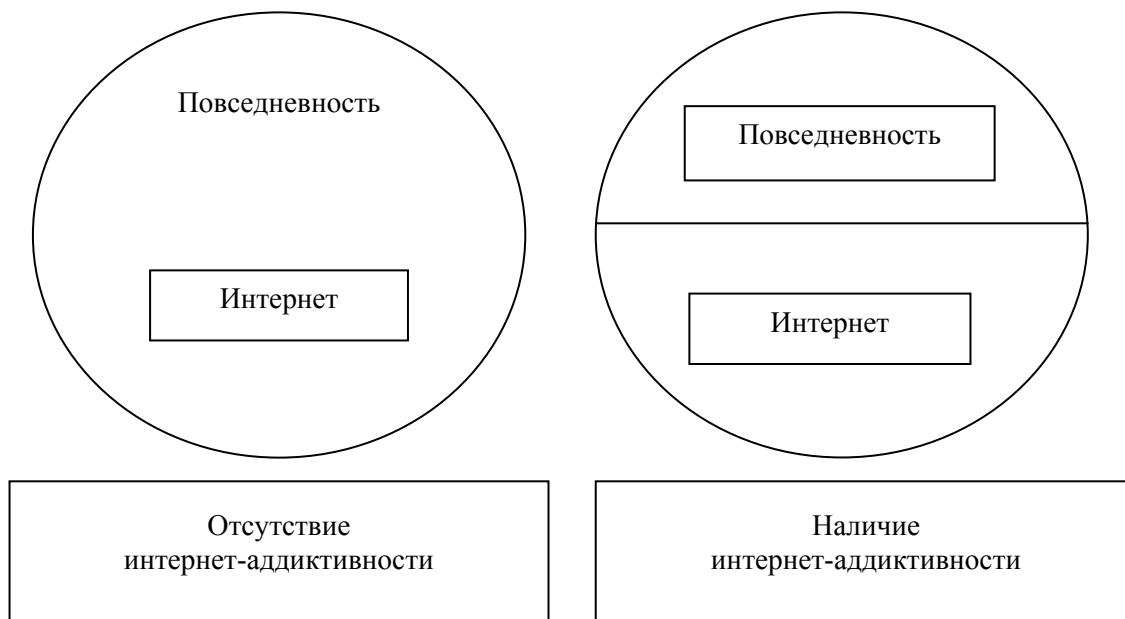
В картинах мира при отсутствии интернет-аддиктивности Интернет рассматривается как удобный инструмент или как мир, вторичный по отношению к повседневности (анклав в составе повседневности, из которого сознание легко возвращается, словно из экскурсии, при этом напряженность сознания гораздо сильнее в повседневном жизненном мире) [11; 12].

Наш первоначальный теоретический конструкт должен претерпеть определенные изменения, поскольку мы предполагали, что Интернет в любом случае воспринимается как мир, как область конечных значений, однако оказалось, что в отсутствие интернет-аддиктивности он не всегда воспринимается как отдельная реальность, полноценный анклав, т. е. статус мира Интернета как «мира» не является чем-то общеразделяемым (как, скажем, мир науки или мир сна): *«Интернет – это не мир. Это услуга или средство»; «Интернет – способ времяпрепровождения, который легко могу прервать, если есть дела в реальной жизни. Играет вторичную роль».*

Отсутствие интернет-аддиктивности сопровождается идентичностью восприятия человека в Интернете и в повседневности и / или негативным отношением к иному положению вещей. Признается значительная роль Интернета в жизни, но отмечается способность критического

оценивания его негативного воздействия (аморфность, сидячий образ жизни, ослабление способности мыслить самостоятельно и проч.): «Во время учебы очень важную роль играет. Даже один день без Интернета очень критичен. Иногда нужно мониторить информацию, очень быстро и ёмко».

Итак, в картинах мира при интернет-аддиктивности Интернет воспринимается и интерпретируется как отдельный мир, отграниченный по смыслу, при этом не менее значимый, чем повседневность, тогда как в отсутствие интернет-аддиктивности это либо часть повседневности, либо анклав в составе высшей реальности, роль которого весьма скромна и вторична (см. рисунок).

Соотношение повседневности и Интернета в картинах мира при интернет-аддиктивности и в ее отсутствие

Таким образом, мы выявили отличия в картинах мира при наличии интернет-аддиктивности и без нее в различных ее аспектах, среди которых – мотивы использования Интернета, представления о «мы-группе» и «они-группе», переживания, соотношение повседневности и Интернета. Мир Интернета в случае интернет-аддиктивности является не менее значимой областью конечных значений, чем повседневный жизненный мир.

Список литературы

1. Янг К. С. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29.
2. Мартынов К. От слактивизма к республике. Почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 19–27.
3. Марченкова Н. Г. Интернет-социализация молодежи: анализ взаимосвязи с интернет-зависимостью // Среднее профессиональное образование. 2010. № 4. С. 55–58.
4. Корытникова Н. В. Интернет-зависимость и депривация в результате виртуальных взаимодействий // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 70–79.
5. Цой Н. А. Социальные факторы феномена интернет-зависимости: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Владивосток, 2012.
6. Surratt C. Netaholics? The Creation of a Pathology. Commack, NY: Nova Science Publ., 1999.
7. История теоретической социологии. М.: Канон, 1995–2002. Т. 3.

8. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999.
9. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1996.
10. *Гуссерль Э.* Избр. работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005.
11. *Шюц А.* Равенство и смысловая структура социального мира // Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
12. *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. М., 2003.
13. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. И. С. Добронравова, Д. Лахути; общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Vit/LogFil.php
14. *Готлиб А. С.* Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
15. *Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 98–124.
16. *Фурс В. Н.* Философия незавершенного модерна Ю. Хабермаса. Минск: Экономпресс, 2000.
17. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон, 2000.

Материал поступил в редколлегию 01.12.2013

N. S. Pervushin, I. A. Chudova

*Novosibirsk State University
2, Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

nickd17@yandex.ru; dauza@mail.ru

INTERNET ADDICTIVITY AS A SPECIFICITY OF WORLD PICTURE

This article presents a phenomenological research of internet addictivity with an emphasis on theoretical conception. Internet addictivity is understood as a human's feature in modern society which means perception of the world of the Internet as a field of finite values, not less important than daily occurrence. Here we are trying to overcome medical discourse in relation to this feature by using phenomenological alternative. The article shows some of the results of conducted empirical study, which allowed to create 2 polar ideal-typical constructions – internet addictivity and non-addictivity.

With internet-addictivity Internet is used principally value-rationally. Internet conducts to the creation of the «We-group», the shortage of which is possible in daily life. In the plans for the future there is nothing connected with family; freedom has a special value. Internet-addictivity is characterized by presence of experiences and emotions about the Internet, which are not weaker than in everyday life. For non-addictiveness is typical understanding of the Internet as a secondary reality, or, in the extreme case, as a way, as a tool, not as a separate world.

Keywords: Internet, daily occurrence, internet-addiction, internet addictivity, non-addictivity, world picture, phenomenology, field of finite values, medical discourse

References

1. Young K. S. Diagnoz – internet-zavisimost [Diagnosis – Internet Addiction]. *Mir Internet [Internet World]*, 2000, no. 2, p. 24–29 (In Russ.)
2. Martynov K. Ot slaktivizma k respublike. Pochemu internet-revoljutsii stanovyatsya realnostyu [From Slaktivizm to the Republic. Why the Internet Revolution Become a Reality]. *Logos*, 2012, no. 2. (In Russ.)

3. Marchenkova N. G. Internet-sotsializatsiya molodezhi: analiz vzaimosvyazi s internet-zavisimostyu [Internet Socialization of Youth: An Analysis of the Relationship with Internet Addiction]. *Srednee professionalnoe obrazovanie [Vocational Education]*, 2010, no. 4, p. 55–58. (In Russ.)
4. Korytnikova N. V. Internet-zavisimost i deprivatsiya v rezultate virtualnykh vzaimodeystviy [Internet Addiction and Deprivation as a Result of Virtual Interactions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2010, no. 6, p.70–79. (In Russ.)
5. Tsoi N. A. Sotsialnyie faktoryi fenomena internet-zavisimosti [Social Factors of the Phenomenon of Internet Addiction. Dr. Social Sci. Dis.]. Vladivostok, 2012. (In Russ.)
6. Surratt C. Netaholics? The Creation of a Pathology. Commack, NY: Nova Science Publ., 1999.
7. Istoriya teoreticheskoy sotsiologii [The History of Theoretical Sociology]. Moscow, Canon Publ., 1995–2002, vol. 3. (In Russ.)
8. Abels H. Interaktsiya, identichnost, prezentatsiya. Vvedenie v interpretativnuyu sotsiologiyu [Interaction, Identity Presentation. Introduction to Interpretive Sociology]. St.-Petersburg, Aleteia Publ., 1999. (In Russ.)
9. Berger P., Luckman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti [The Social Construction of Reality]. Moscow, Medium Publ., 1996. (In Russ.)
10. Husserl E. Izbrannyye raboty [Selected Works] Moscow, Publishing House «Territory of the Future», 2005. (In Russ.)
11. Schutz A. Ravenstvo i smyislovaya struktura sotsialnogo mira [Equality and Semantic Structure of the Social World]. *Smyislovaya struktura povsednevnogo mira. Ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii [The Semantic Structure of the Everyday World. Essays on the Phenomenological Sociology]*. Moscow, 2003. (In Russ.)
12. Yadov V. A. Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya [Strategy of Sociological Research]. Moscow, 2003. (In Russ.)
13. Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Logico-Philosophical Tractate]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Vit/LogFil.php (In Russ.)
14. Gotlib A. S. Vvedenie v sotsiologicheskoe issledovanie: kachestvennyiy i kolichestvennyiy podhodyi. Metodologiya. Issledovatel'skie praktiki [Introduction to Sociological Research: Qualitative and Quantitative Approaches. Methodology. Research Practice. 2nd ed.]. Moscow, 2005. (In Russ.)
15. Abels H. Romantika, fenomenologicheskaya sotsiologiya i kachestvennoe sotsialnoe issledovanie [Romantic, Phenomenological Sociology and Qualitative Social Research]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 1998, vol. 1, no. 1, p. 98–124. (In Russ.)
16. Furs V. N. Filosofiya nezavershennogo moderna Yu. Habermasa [Philosophy of Unfinished Modernity Habermas]. Minsk, EkonomPress, 2000. (In Russ.)
17. Hoffman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni [Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow, Canon Publ., 2000. (In Russ.)